



ОЛЬГА ГАРИКА ГЛАДЫШЕВА



**КЫШТЫМСКИЙ КАРЛИК,
ОЗЁРСКИЙ МУТАНТ
И Ко,**

**ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ**

Ольга Гарика Гладышева

**Кыштымский карлик,
озёрский мутант и Ко, или
История одного расследования**

«Издательские решения»

Ольга Гарика Гладышева

Кыштымский карлик, озёрский мутант и Ко, или История одного расследования / Ольга Гарика Гладышева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967085-4

В перестроечные 90-е в уральском городе Кыштыме, рядом с которым притулился атомный город Озерск, обнаружилось странное человекоподобное существо слишком маленького даже для младенца роста. То ли это мутант сбежал из зоны, то ли пришелец объявился. Информация об этом существе была перехвачена внешней разведкой совершенно случайно, поскольку кто-то предложил за него баснословно большие деньги. Поиски пришельца дали обескураживающие и малообъяснимые с точки зрения науки результаты.

ISBN 978-5-44-967085-4

© Ольга Гарика Гладышева
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Появление	10
Глава 2. Вопрос	18
Глава 3. Задача	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кыштымский карлик, озёрский мутант и Ко, или История одного расследования

Ольга Гарика Гладышева

Корректор Светлана Аркадьевна Эзериня

© Ольга Гарика Гладышева, 2019

ISBN 978-5-4496-7085-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В лихие, безнадёжные и беспросветные перестроечные 90-е в старинном уральском городе Кыштыме, рядом с которым притулилась таинственная своей закрытостью территория атомного города Озерска, обнаружилось странное двуногое, глазастое существо маленького, слишком маленького даже для младенца роста. То ли это мутант сбежал из зоны (а кто знает, что там в этих сверхсекретных лабораториях творится), то ли пришелец объявился, то есть тот, кого в принципе быть не должно. Самое странное, что информация об этом существе была перехвачена внешней разведкой совершенно случайно. Кто-то предложил большие, вернее даже баснословно большие деньги за это подозрительное во всех отношениях существо. Кого и чем мог заинтересовать вероятный мутант плутониевых заводов, определить не удалось, только выяснилось, что заказчик находится где-то между Страной восходящего солнца и Поднебесной империей. Для прояснения ситуации на Урал из Санкт-Петербурга был командирован специалист по аномальным явлениям, который вскоре почувствовал, что его втянули в сомнительную игру. Поиски дали неожиданные, точнее обескураживающие и малообъяснимые с точки зрения науки результаты, причем возможно, что во всем написанном ниже гораздо меньше вымысла, чем нам бы хотелось думать.

Пролог

На маковке горушки, у леса на опушке в маленькой избушке жил гномик Топотушка...
Чем больше я думаю о Кыштымском карлике, тем навязчивее звучит в моей голове эта фраза. А действительно, кто такие гномы? Что мы знаем о них?

По одной версии, самые первые упоминания о гномах связаны с Египтом и Финикией, а по другой – они герои скандинавского и германского фольклора. Высказывается мнение, что гномы – древние духи Земли. По скандинавской мифологии, гномы – это маленькие **человекообразные** существа. Именно не человечки, а человекообразные создания. Они обитают в горах или в лесу, где строят подземные города удивительной красоты. Интересно, кто это видел? В недрах земли гномы хранят и оберегают сокровища, такие как драгоценные камни, золото, серебро, руды. Для защиты от алчных людей, гонящихся за драгоценными камнями и золотом, эти карлики пользуются психологическими барьерами. Действительно, ходят слухи о существовании таких мест, при приближении к которым на человека нападает беспричинный страх.

Гномы невысокие, иногда ростом с ребенка, а иногда еще меньше – с палец. Однако при столь малом росте гномы наделены большой силой. Этот трудолюбивый народец владеет секретами обработки металла. Гномы являются искусными кузнецами и ювелирами, способны изготавливать волшебные вещи. Есть подозрение, что они могут легко проходить сквозь скалы и передвигаться под землей.



Гномы обитают в горах или в лесу, где строят подземные города удивительной красоты.

У всех народов, населяющих север России, существуют легенды о небольших, живущих под землей человечках. Эти карлики обладают сверхъестественными способностями, умеют обрабатывать железо и даже иногда передают свои секреты людям. Если смотреть на Россию, то где могут жить гномы? Естественно, в седых Уральских горах, самых древних не только в стране, но возможно, и на всем земном шаре. Здесь все самоцветы и минералы расположены рядом, практически под ногами. Влюбленные в свои горы экскурсоводы уверены, что в недрах

Урала можно найти все полезные ископаемые, а если что-то еще не нашли, то, значит, просто не дорыли.

По количеству секретов и способов обработки металла и камня, известных людям, Уралу нет равных в мире. После Индии и Ирана тайной производства булатной стали овладели мастера в Златоусте. Там же люди научились делать уникальную художественную гравюру на стали, которую не стыдно преподносить в дар даже императорам и отцам народов. А секреты работы с чугуном открылись мастерам города Касли, и слава каслинского чугунного литья разлетелась по всему миру. Стоит ли говорить об удивительных работах с поделочным камнем, которыми занимались на заводах по всему Уралу от Екатеринбурга до Нижнего Тагила и Кунгура? Обработанный камень поставлялся в столицу для внутреннего убранства соборов и дворцов. Уральские мастера умудрялись изготавливать и многотонные вазы из монолитного камня для Эрмитажа, и изумительные ювелирные изделия для фирмы Фаберже. Причастны ли ко всему этому гномы или нет – вопрос темный, однако о самом существовании гномов в тех местах намекает русская мифология. В ней мы можем прочесть, что «дивьи люди» живут в Уральских горах. Их выходами в мир людей являются пещеры, расположенные в заводе Касли. Иногда «дивьи люди» покидают горы и ходят между людьми. Однако обычные люди их не способны видеть. Культура у этих горных людей величайшая, и свет в их горных помещениях не хуже солнца. «Дивьи люди» небольшого роста, они очень красивы и имеют приятные голоса, но слышать их способны только избранные...».

Принимая во внимание, что от Каслей до Кыштыма всего-то каких-то двадцать километров и горная система, вообще говоря, едина, можно сделать соответствующие выводы. Такие мысли теснились в моей голове в один из ветреных осенних дней, когда звук шторма на заливе гулом скоростного поезда доносился до дома, стоящего на высоком берегу у кромки леса. В доме у горящего камина один четырехлетний малыш рассказывал мне сказку. Во время рассказа он перемещался с места на место, как застоявшийся конь, периодически подпрыгивая.

– Сказка про репку, – огласил предварительно малыш свои намерения. – Жил был дед. Мне стало обидно за бабу:

– погоди, а как же бабу, внучка, Жучка и так далее? – Ну, я же знаю героев этой сказки. – Ты их всех куда выкинул? На помойку, что ли?

Малыш загадочно улыбнулся – мои слова его развеселили – и продолжил:

– Вырыл дед большу-у-ую яму и посадил репку.

– А зачем нам больша-а-а-я яма? Для дерева, куста, цветка наконец нужна большая яма. А если ты посадишь маленькое семечко репки глубоко – оно не пробьется к свету, и репка не вырастет вообще.

Малыш мои слова к сведению не принял: сразу видно, городской компьютеризированный ребенок, ни разу в жизни грядок не копавший и еще ничего нигде не сажавший. Явный пробел в воспитании, подумалось мне, и пришлось продолжить:

– Землю сначала копают, удобряют, потом рыхлят, делают бороздки, кидают в них семена, закапывают и поливают. В этом случае вырастет репка.

– Он ямку полил, – хитро улыбнувшись, сообразил ребенок и продолжил: – Выросла репка большая-пребольшая. Стал дед его из земли тянуть.

– Так, погоди, погоди, кого «его»? Репка – это она. Большая-пребольшая она. Ты же не скажешь «большой пребольшой репка».

Малыш рассмеялся на скаку. Его подпрыгивания прерывались только извержением слов, поэтому рассказ шел неторопливо, так сказать, с физкультурными паузами.

– Позвал дед бабу, – продолжил малыш. – Прибежала бабу.

– Радость моя, где ты видел, что бабки бегают? Бабки ходят, иногда ковыляют, иногда важно ступают, но не бегают. Они бегают, только когда на транспорт опаздывают, но и тогда это называется «торопятся». Бегают только внучки и Жучки.

– Бабка за дедку, дедка за репку, – произнес малыш, – тянут-потянут, вытащить не могут. Позвала бабка кошку Машку.

– А внучку и Жучку-собаку ты забыл?

Ребенок звонко рассмеялся и вернулся в своем рассказе к внучке. А мне вдруг подумалось: явно эта сказка про гномов. Большая-пребольшая репка ну никак не может быть больше арбуза. Даже самый чахлый дедок ее вытащит. А вот гному, если он вдруг потерял свои сверхъестественные способности, это проблематично. Жучка в виде пекинеса и мышка вполне по размерам гномам соответствуют, вот только кошка великовата... Не вписывается в компанию.



А мне вдруг подумалось: явно эта сказка про гномов.

– Мышка за кошку Мурку, кошка Мурка за собаку Жучку, собака Жучка... – тем временем заученно произносил малыш. «И не лень ему выговаривать дублирующие слова», – думаю я про себя: либо кошка, либо Мурка, чего же париться? Ребенок продолжал:

– ... за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку...

«И вытащили репку», – наивно полагаю я, вспоминая, с каким облегчением, рассказывая сказку, доползаешь до ее конца. Однако слышу неожиданное:

– Не удалось...

Насладившись моим удивлением, малыш снова рассмеялся и сказал:

– А теперь ты.

– Что я?

– Сказку расскажи.

– Какую? Про колобок или про Машу и медведей?

– Не, новую... Придумай новую...

Пришлось сочинять на ходу:

– На маковке горюшки, у леса на опушке, в маленькой избушке жил гномик Топотушка. Это был непослушный гномик. Все его друзья, родня и вообще весь этот невысокий народец жили в пещерке под нависшей скалой. А он захотел жить отдельно. Но вот однажды весной вернулся на опушку злой северный ветер, порушил его избушку, закидал снегом его мягкую постельку. С рассветом собрал Топотушка свои вещички в узелок, взвалил его на спину и печальный побрел к пещерке. А узелок оказался огромным, гномика из-под него и не видно. Вдруг, откуда ни возьмись, налетела сова – белая голова. Она была стара и подслеповата, не разглядела она гномика под его ношей и схватила железными когтями узелок.

Поднялся Топотушка вместе с узелком в небо. Смотрит: красота-то какая. Стеной стоит его родной лес, а за лесом – озеро и городок на берегу, а за озером – розовые горы. Это первые лучи солнца их раскрасили... Решила сова перекусить добычей и села на березу. Как увидел Топотушка большой желтый глаз и кривой острый клюв, сразу отпустил узелок, пересчитал все березовые веточки своими боками сверху донизу и упал прямо в ракитовый куст, да и застрял

в нем. Сова полетала, попрыгала вокруг куста – не достать ей добычу! – ухнула сердито и улетела.

Днем хватились гномы – нет Топотушки: следы на снегу внезапно обрываются и пестрое перышко рядом валяется. Подозрительное такое перышко. Искали гномы целый день – нет Топотушки. А ночью зажгли они свечи в маленьких стеклянных шариках. Ищут, ищут – нет Топотушки. А люди снизу смотрят: в темноте над горушкой огоньки движутся в разные стороны, подивились люди, пошушукались и почему-то о пришельцах подумали...

А вот что случилось с Топотушкой, о том пойдет речь дальше.

Глава 1. Появление

В былинном уральском краю в поселке на окраине городка, раскинувшегося между изрезанных берегов водоемов, в небольшом домике жила-была старушка. Изначально звали ее Матрена Евсеевна, но со временем имя ее куда-то потерялось и люди стали называть ее попросту Евсевна. Жила Евсевна одиноко, радость изредка навещала ее, а вот зануда-печаль надежно обосновалась за печкой. Вот как-то раз нужда заставила Евсевну поутру идти в город, а дорога туда была непрямая, неблизкая. Вышла она на неприметную узенькую тропку, что начиналась сразу в конце улицы за сараем. Тропинка покружила старушку мимо покрытых пожухлой прошлогодней травой огородов с покосившимися изгородями и потянулась в лес, где под деревьями еще виднелся майский сквозистый снежок.

Евсевна любила весенний лес, едва оттаявший после долгой суровой зимы, еще только начинающий просыпаться, с хлопотливым щебетом птах, с набухающими тугими ивовыми и березовыми почками, весь находящийся в ожидании чуда – появления первой зелени. Утро стояло светлое, умытое, радостное. После мрачной, беспокойной ночи, когда ветер неистовствовал в кронах деревьев, заставляя их надрывно скрипеть и стучать в крыши домов, когда-то ли первый дождь, то ли последний снег пускал косые струи по окнам, дробя неровный свет качающегося одинокого фонаря, это утро казалось Евсевне подарком свыше, и она приняла его с благодарностью.

Тропинка с горушки скользнула в низину, и Евсевна услышала легкое журчание пробивающейся под снегом воды, стекающей с нагретого утренним солнышком склона. Земля, наполненная влагой, набухла и стала скользкой, пришлось старушке как в молодости чуть ли не прыгать с камня на камень и аккуратно обходить большие валуны. Тропинка пошла вверх и вывела Евсевну в сосновый бор с солнечными бликами, играющими на золотых стволах, шорохом короткохвостых поползней, передвигающихся по стволам вниз головой, радостным стуком дятлов. Старушка вдохнула легкий пьянящий аромат прогретой на солнце смолы и мысленно еще раз поблагодарила Всевышнего за новый звонкий день, который он позволил ей увидеть.

В руках у старушки была выдавшая виды плетеная корзинка. Время от времени Евсевна покидала тропинку, и ее цветастый платок мелькал на взгорках среди зеленой хвои молодых сосенок. Могло сложиться впечатление, что она искала на проталинах грибы. Но, конечно, дело было не в грибах. Какие грибы могут вырасти в майском лесу, когда еще в овражках, в ямках под кустами и на старых выработках лежит не просто снег, а тяжелые сугробы? Она искала цветы, первые весенние цветы. Зачем? Да, именно для того, чтобы продать их на базаре. Не стоит объяснять, что жизнь становится весьма прозаичной, когда банально хочется есть.

Раньше дом и двор Евсевны был не хуже, чем у других. Плодились козы, носились по двору и неплохо неслись куры, было время – откармливали и поросят. Память старушки часто возвращается к тем дням, когда от натиска хряка весь сарай, сейчас покосившийся и собирающийся рухнуть, ходил ходуном. Когда же подросшего поросенка выпускали во двор – с визгом разбегалось все живое. Но зато когда по осени хряка закалывали – пировало поселка. Затем пришли тяжелые времена: Союз уже развалился, а Россия еще не начала возрождаться. Доступ к дешевым, вообще-то говоря, совхозным кормам перекрыли, и скотинка постепенно повывелась не только у Евсевны, но и в округе. В доме из живности остался только кот, да и то потому, что мог сам себя прокормить, став вольным охотником за бесхозными домашними и полевыми мышами.

Но беда не приходит одна. Предприятия позакрывались, работать стало негде, да и зарплаты стали смешными – прожить на них было невозможно. Власть имущие где-то там далеко в Москве делили все, что можно было поделить, силовые структуры всех ведомств им активно

помогали, не забывая отхватывать кое-что и для себя, а народ был предоставлен сам себе, и каждый выкручивался как мог.

Перестройка забрала у Евсевны и мужа и сына. Ее муж отравился грибами на похоронах собственной тетки. Ситуацию, в результате которой он расстался с жизнью, можно было бы назвать смехотворной, если бы она не была столь патовой и чудовищной по своей бессмысленности. А дело было так. Тетка была заядлым грибником и умела изумительно мариновать и солить грибочки. Во всей округе ей не было равных в этом деле. Но вот один год не задался, и бабушка в одночасье отдала богу душу – отравилась грибами. На похороны собралась вся родня. Старушку любили, и на поминки пришло народу много. Еды стало не хватать, и кто-то вспомнил о чудесных бабкиных грибочках. После поминок в морге добавилось сразу шесть гробов. Но и это еще не все. Поминки по шести безвременно отошедшим было решено провести в пустом бабкином доме, и опять в хорошем подпитии кто-то вспомнил о золотых бабкиных руках и изумительного вкуса грибах. Морг, чуть не треснув, принял еще десять покойников. Вот так бабка забрала с собой шестнадцать человек, и муж Евсевны был одним из них.

Когда страна пошла вразнос и есть в доме стало совсем нечего, сын начал промышлять рыбной ловлей, а в один из студеных ноябрьских дней не вернулся с рыбалки. Именно тогда мать постарела от горя, сгорбилась и тронулась умом. Помутившийся ее рассудок сотворил себе какую-то параллельную эфемерную реальность – планету грез. Время от времени Евсевна погружалась, вернее, «проваливалась» в те благословенные времена, когда ее сынок был маленьким розовым младенчиком. Тогда она свивала туго тряпочки – лепила из них ребеночка, укутывала куклу одеялком, качала ее, кормила, агукала... Все странным образом менялось в ее голове, она не узнавала соседей, совершенно не заботилась о себе, забывая даже поесть. Приходилось вмешиваться медикам, помещать ее в клинику, подлечивать и, считая безопасной для окружающих, возвращать домой до следующего приступа.

Сейчас сознание Евсевны находилась в реальной жизни, поэтому она неторопливо шла на кладбище, там всегда и зимой, и летом можно было отыскать свежепринесенные цветы или что-нибудь еще, годное для продажи на блошином рынке. Это, конечно, святотатство – грабить могилы, но старушка всегда истово благодарила покойников, просила прощения и брала что-либо, лишь ощущая их безмолвное согласие. Но сегодня кладбище оказалось Евсевне ненужным. Правду говорят: кто ищет, тот всегда найдет. Удача улыбнулась ей.

– Ах вы, мои миленькие, – забормотала старушка, обнаружив на небольшом пригорке среди прошлогодних листьев и остатков снега несколько пушистых, как новорожденные цыплята, подснежников. Нежные светло-желтые головки цветов стыдливо склонились к земле, а солнце играло на волосках невесомой мохнатой «шубки» из тоненьких как иголки листочков. Подснежниками на Урале считают цветы сон-травы (прострел желтеющий) – самые ранние, самые радостные, обворожительные.



Подснежниками на Урале считают цветы сон-травы (прострел желтеющий) – самые ранние, самые радостные, обворожительные.

Евсевна собрала цветы аккуратно и уложила в корзинку. Присыпая хрупкие стебельки рыхлым снегом, она вспомнила бабушку, вспомнила рассказанную бабушкой башкирскую легенду о влюбленных, о том, как статный и сильный юноша и юная хрупкая девушка полюбили друг друга – да не одним, а будто бы сотней сердец. Девушка оказалась из бедной семьи, и богатый отец юноши не пожелал неравного брака. Влюбленным пришлось тайно покинуть село. Разъяренный отец в сердцах проклял молодых и, чтоб разлучить их навеки, пожелал сыну стать снегом, а девушке – цветком. Проклятье исполнилось. Теперь юноша приходит на землю снегопадами. А девушке удалось обратиться сон-травой. И каждый год по весне этот цветок пробивает своей бело-желтой головкой подтаявший снег, и каждый год несколько дней влюбленные проводят в объятиях друг друга.

Подумав о бабушке, Евсевна словно увидела ее перед собой. Легкое белое облачко, как оторвавшийся клочок ночного тумана над рекой, проплыло перед ее взором. Женщина застыла, сердце замерло в груди: Евсевна почувствовала себя снова маленькой девочкой, которую бабушка ласково гладила шершавой натруженной рукой по темной кудрявой головке. Эти сладостные «провалы» в прошлое, возникающие из покрытых мраком глубин памяти, остались одними из немногих доступных ей радостей в последнее время. Долго стояла Евсевна, улыбаясь, а светлые слезы одна за другой неспешно ползли по впалым щекам и падали на пальто, которое в добрые времена было зеленовато-болотного цвета.

Очнулась женщина от тихого странного свиста. Это не был свист птахи или поезда на дальнем перегоне, больше всего он напоминал неумелую игру на маленькой скрипочке. Источник звука был где-то совсем рядом. Евсевна сделала шаг, второй, третий и остановилась в нерешительности. Там впереди в кустах под большой кряжистой березой барахталось что-то непонятное, незнакомое. Сначала старушка решила, что это какая-то лесная зверушка запуталась в силках и не может освободиться, но потом поняла, что это голый человечек. Маленький голый человечек.

Человечек махонький, как гномик, застрял головкой вниз в кусте ивы. Его торчащие вверх пяточки нетерпеливо дергались, маленькие ручки пытались дотянуться до земли, а объемное раздутое тельце странным образом повисло и беспомощно извивалось в развилке гибких ивовых ветвей. Головка существа пыталась приподняться, повернуться и посмотреть на подошедшую, но это никак не удавалось. Человечек свистел и беспомощно раскачивался на ветвях. Женщина обошла куст и тогда увидела лицо гномика. Оно было маленькое, кукольное и показалось Евсевне очаровательным. Гномик перестал барахтаться и уставился на старушку

большими темными глазами. Он протянул к женщине ручки, сложи губки трубочкой и что-то тихо просвистел.

– Ой да, конечно, – засуетилась Евсевна и полезла в куст доставать малыша. Сломав несколько веток, ей удалось освободить незадачливое создание. Тельце гномика было рыхлым и немного водянистым, но женщина не обратила на это внимания, она прижала младенца к груди и вдруг ощутила давно забытое блаженство матери.

– Да ты же замерз совсем, – вдруг сообразила Евсевна, расстегнула пальтишко, сняла теплый, подаренный невесткой шарф и завернула в него гномика. Стянув с головы платок, так что тоненькая седая косичка расплелась и неприбранные волосы разметались по плечам, женщина запеленала младенца и засунула его себе за пазуху – там теплее. Одна рука старушки надежно придерживала сверток и расходящиеся полы пальто, в другой – была корзинка с подснежниками. Евсевна свернула с тропинки и засеменила напрямки к церкви, колокола которой громким перезвоном возвещали о скором начале службы.

Церковь стояла на пригорке, в самой высокой точке города, и была видна на много километров окрест. Она была одной из тех немногочисленных церквей России, которые пережили революцию без потерь, сумели избежать разоренья и исправно работали в жесткие богоборческие времена коммунистического правления. С развалом Союза для церквей настали поистине золотые времена. Запреты пали, и люди наконец-то открыто потянулись к Богу. Из соседнего, построенного после войны закрытого города в церковь привозили дошколят креститься целыми автобусами. Внезапно разбогатевшие что чиновники, что бизнесмены несли в церковь деньги, надеясь вымолить прощение у Всевышнего за свои порой не поддающиеся прощению поступки. Однако новое время принесло и новые проблемы. Времена были тяжелые, и церкви наводнили несчастные, обездоленные и убогие в поисках поддержки и утешения – и пропахший ладаном воздух церквей наполнился до краев скорбью и болью.

Евсевна не стала заходить в церковь, а заторопилась вдоль дороги вниз – туда, где на бойком месте – на газоне у площади не доходя до автобусной остановки – обосновался блошинный рынок, на котором можно было продать что угодно и купить что угодно.

– Что-то ты какая-то необычная сегодня, Евсевна, – сказала Тамара, приветствуя раскрасневшуюся от быстрой ходьбы, слегка растрепанную и повеселевшую соседку.

– Я сегодня чудесная и день сегодня чудесный, – улыбнулась Евсевна. – Сегодня Бог мне ребеночка дал, – она кивнула на сверток. – Ты возьми подснежники, Тамарушка, продай, коли сможешь. А мне одолжи хоть немного – дитятку кормить надо.

Тамара взглянула на цветы, удовлетворенно поцокала языком, взяла, говоря:

– Знатные цветы, Евсевна, не то что кладбищенские. На, возьми пока все, что есть, еще не наторговала. Потом сочтемся. Вечерком к тебе загляну.

– Спасибо, милая, – сказала Евсевна, убирая деньги в карман. – Дай Бог тебе здоровья и родным твоим и близким. – И, счастливая, заторопилась на автобус до дому.

– Не много ли ты ей дала? – спросила сидящая рядом товарка. – Сама домой порожняком пойдешь.

– Не волнуйся, наторгую. Эта трава – прострел, Богом мечена, ее все бесы боятся, хоть живые цветы, хоть сушеные. Люди после службы из церкви пойдут – потихоньку раскупят.

– А если не раскупят? – усомнилась та.

– А и не раскупят – не беда. Значит, я милостыню Евсевне дала. Мне от Всевышнего, – Тамара подняла к небу глаза, – зачтется. Бедная она женщина, горемычная, помогать таким – святое дело. Не так давно она сына потеряла. Вот порой и чудит, своего Алексея будто бы малышом видит... Одна она мыкается. Спасибо, невестка Алена Евсевну не забывает, хоть и замуж опять вышла и ребеночка родила, все старуху проведывает, чистая душа.

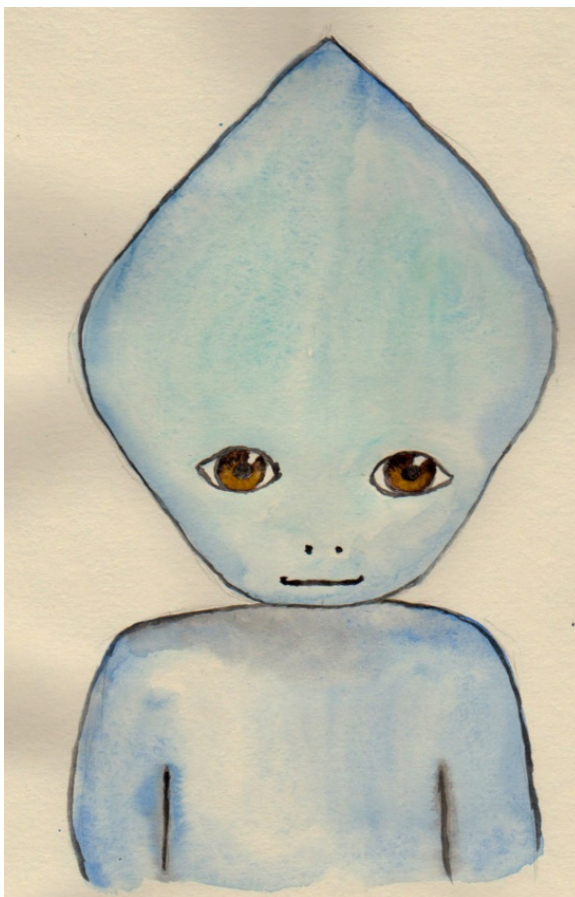
И вдруг подбочившись, Тамара закричала громким голосом, да так, что ее услышала даже Евсевна, втискиваясь в автобус:

– Кому цветы? Первые подснежники. Изгоняют дьявола из дома. На милую нечисть не пустят. У кого проблемы с тещей, с соседом, с алкоголизмом, с подростками налетай, покупай. Да будет мир в ваших домах. Да будет еда на ваших столах. Да подружится с головой наша власть. Да как бы нам дожить до этого, – последние две фразы она произнесла немного тише, но именно они вызвали одобрение и смешки у окружающих.

– А вы знаете, что этот цветок занесен в «Красную книгу» и является вымирающим видом? – негромко спросила проходящая мимо женщина. – Особенно эта его желтая разновидность.

– Знаю, – честно сказала Тамара. – Ходили слухи, что эти цветы ушли в горы и встречаются только на заснеженных вершинах. Но раз их сегодня где-то здесь отыскали, значит... Еще живы они и растут рядом с нами. Я же не могу старушке запретить их собирать: ей тоже жить надо... Мы все здесь вымирающий вид, – негромко добавила она.

Алешенька – так в честь сына назвала Евсевна своего гномика – жил в ее домишке уже второй месяц, только с каждым днем он становился все слабее и печальнее. Евсевна не то чтобы не замечала этого, она списывала это на затянувшуюся весну и свято верила, что когда солнце начнет пригревать по-настоящему – все наладится само собой, и непонятные хвори у Алешеньки пройдут, и все будет замечательно. Врачей Евсевна не уважала и обращаться к ним не спешила. Она любила в гномике печального Пьеро с его хрупкостью, грустью и слезливостью. Гномик действительно, как говорится, «спал с тела», усох и стал похож на маленькую детскую игрушку. И Евсевна относилась к нему, как к игрушке, которую можно, наигравшись, отложить куда-нибудь в уголок. Так ребенок относится к заводной обезьянке или к шагающей кукле. Такая кукла была у соседской девочки. Куклу можно было вести за руку, раскачивая из стороны в сторону и слегка наклонив вперед. Кукла как бы сама переставляла свои пластмассовые ножки, крутила при каждом шаге головкой, да еще, при определенном усилии, из нее можно было выжать что-то среднее между кошачьим коротким «мяу» и словом «мама». Это была чистая механика, но легкое ощущение колдовства все-таки присутствовало.



Она любила в гномике печального Пьеро с его хрупкостью, грустью и слезливостью.

Серьезность положения оценил только кот Евсевны. Обладая тем уникальным чувством, что позволяет котам с легкостью определять состояние окружающих, кот понял, вернее, почувствовал, что с новым жильцом беда. Это был рыжий мощный котяра, еще при жизни сына Евсевны получивший имя Чубайс в честь того, кто в девяностые годы в России был виноват во всем. Котяра он был классный, охотник – круче не бывает. Кот ловил птиц на лету, подпрыгивая за ними на высоту выше метра, справлялся с крысами и походя душил белок. Одного кот не мог понять, почему ему за этих белок всегда попадало. Чубайс принципиальной разницы между крысой и белкой не усматривал: та же морда, те же лапки, та же наглость на всю рожу, подумаешь, у одной только кисточки на ушках да хвост чуть попушистей. Характер у кота был бойцовский, он не давал прохода соседским собакам, и они обходили дом Евсевны стороной – кому же захочется ходить с расцарапанной мордой и кровоточащими ушами.

Когда Евсевна притащила гномика, Чубайс долго не мог прийти в себя от изумления. Что-то новое, необычное, неправильное было в этом существе. Он был не родной. Не родной ни коту, ни Евсевне. По мнению кота, ЭТОТ представлял из себя нечто среднее между человеком и лягушкой, у него было округлое раздутое лягушачье тельце и тоненькие, слишком тоненькие ножки. Кожа у существа была тоже неправильная, слишком тонкая и подвижная, как у лягушки; более того, кот ощутил по запаху кожи гномика, что она проницаема, гораздо более проницаема, чем у него и Евсевны. Кожа меняла запах в зависимости от состояния существа. Кот бы не удивился, если бы оказалось, что с такой кожей ЭТОТ может дышать под водой. У ЭТОГО было только два зубика на верхней челюсти, совсем как у лягушки, и коту казалось, что и пищу гномик проталкивает в пищевод глазами, как лягушка. А если он зверушка, то где его шерсть, а если человек – где его одежда? Удивлению кота не было предела, целую неделю он ходил ошарашенный, с глазами по пятаку.

Время шло, и кот почувствовал, что ЭТОМУ плохо, очень плохо, просто смертельно плохо. Кот понял причину. ЭТОМУ не нравилась еда, вернее, она не просто не нравилась, она ему не подходила. Евсевна ничего не замечала, в ее голове опять что-то «закоротило», и она кормила ЭТОГО изредка, причем одними леденцами. «Я бы и сам копыта отбросил, если б они у меня были, на такой леденцовой диете», – подумал Чубайс и выскользнул на улицу. Через полчаса котяра вернулся, он сиганул с крышки колодца на карниз окна, отвратительно проскрежетав когтями по металлу, затем со стуком запрыгнул в открытую форточку. Вместе с котом в дом ворвался запах поля, некошенной травы, ветра и воли. Гномик обреченно вздохнул – Евсевна, наигравшись, совсем перестала выносить его на улицу. Кот забрался на кровать, где, как тяжелобольной на взбитых подушках, прикрытый простынкой лежал ЭТОТ. Чубайс принес ему мышь, но ЭТОТ никакого восторга не выказал, а просто смотрел на котяру большими грустными глазами. Кот готов был сам расплакаться, если бы умел это делать.

Кот посидел на кровати, вылизал свои лапы и лег к ЭТОМУ под бок. Он начал мурчать громко и с удовольствием, хоть до конца и не верил, что ЭТОМУ сможет помочь его нехитрая кошачья терапия. Вдруг раздался стук в окно. Чубайс насторожился. «Это не может быть Алексей: его уже давно нет», – подумал кот. Стук повторился. «Это не может быть невестка Алена: та сама входит». Стук стал более настойчив. «Это не может быть дрянь такая Петрович», – решил кот, на всякий случай перейдя в положение низкого старта, – «тот стучит кулаком в дверь, а не костяшками пальцев в окно».

С «дряню такой Петровичем» у Чубайса конфликт произошел, наверное, уже как год назад. Как-то забрел «дрянь такая Петрович» к Евсевне по какому-то делу, то ли соли взять, то ли денег занять. А перед этим где-то разжился он бутербродом с колбасой. Евсевна ему чаю, как водится, предложила, а «дрянь такая Петрович» бутерброд для себя приберег, в кармане куртки его заныкал, не захотел поделиться, жмот. А Чубайс от этого колбасного духа просто с катушек съезжал еще в те поры, когда он котенком был. Как почует в доме колбасу, метнется к холодильнику и пытается его дверцу лапой снизу лежа поддеть, да еще и орет как резаный. Валерьянку они, что ли, в колбасу подмешивают? Став постарше, кот открывать холодильник научился, но толку от этого уже мало было. Последнее время колбаса в холодильник как-то не захаживала. Да и вообще там пустовато стало, как говорится, мышь повесилась. Ну, напился Петрович чаю, засобирался домой, напялил свою курточку, сунул руку в карман, а рука вся наружу через свежепрогрызенную дырку и вышла, туда, куда перед этим колбаса с хлебом утянута была. Вzbеленился Петрович, разорался на кота:

– Ах ты, дрянь такая, убью, – и схватил кочергу... Благо форточка была открыта. Рыжей молнией метнулся Чубайс, еле ушел... Забился кот на поленицу под самую крышу, лежал там и думал: сам ты дрянь такая, Петрович, пожалел колбаски. Эх ты... И все-таки что они в эту колбасу добавляют? По вкусу она совсем не ахти, но запах, запах какой... С тех пор предпочитает Чубайс «дряни такой Петровичу» на глаза не попадаться.

В окно постучали четвертый раз, и Евсевна все-таки решила открыть. Вошла доктор, участковая. Котяра слез с кровати и забрался на руки Евсевне. Женщины о чем-то сговаривались. Как кот понял, Евсевна упиралась, а докторша настаивала:

– Да пойми ты, голубушка, от этого не будет ничего, кроме пользы тебе. Там тебя подкормят, подлечат. Пенсия твоя целее будет, что-нибудь купить, наконец, сможешь.

Котяра занервничал: как подлечат? Куда подлечат? А ЭТОТ, ЭТОТ, что с ним будет? Он начал громко мяукать, как бы намекая: вон там ЭТОТ сейчас ласты склеит! Помогите же ему кто-нибудь! Но Евсевна была опять где-то не здесь, а доктор кошачьих воплей не поняла или не захотела понять. Она сделала попытку успокоить кота, попыталась его погладить, но от ее руки так сильношибануло лекарством, что кот принялся чихать и чихал до тех пор, пока не брякнулся с колен хозяйки на пол.

В этот же день за Евсевой приехали. Врачиха, уходя, сделала ей укол, и Евсевна сидела понурая, ко всему безучастная и беззвучно позволила себя увезти. Котяру выгнали на улицу, и как он не пытался этим бестолковым санитарам втолковать, что там ЭТОТ на кровати остался, толку не добился. Неудивительно, что через неделю, когда Алена забежала полить цветы и забрать вещи, вдруг понадобившееся Евсевне в больнице, она поразилась сильному химическому запаху, висевшему густым облаком в доме. Пахло то ли смолой, то ли ацетоном. Обойдя дом, Алена обнаружила на кровати маленькую, выжженную весенним солнцем коричневую мумию человекоподобного существа рядом с усохшим трупиком мыши. Молодая женщина испугалась и вызвала участкового. Так началась вторая часть приключений южноуральского гномика.

Глава 2. Вопрос

На угловом, покрытом персидским ковром диване, забравшись на него с ногами, по-турецки сидел человек явно восточной наружности. На нем был безупречный деловой темный костюм, белая рубашка и пастельных тонов голубовато-розовый галстук. Это был господин Муа, по крайней мере, он так представлялся. Человек был невысок, коренаст, с большой квадратной головой, покрытой густой, еще черной, лишь слегка серебрищейся у висков шевелюрой, небольшими глазками и изогнутыми крутым мостиком бровями. Бородка у него была клочковатая, жиденькая, с проседью. Выглядел он внушительно и важно, и слово «господин» как нельзя лучше соответствовало ему.

Большая комната с двумя высокими, выходящими на двор-колодец сводчатыми окнами, сверху которых еще чудом сохранились фрагменты старинного витража, была рационально обставлена добротной современной мебелью. Излишеством являлся только вместительный аквариум, стоящий вплотную у стены. Господин Муа не отрываясь смотрел на этот аквариум, на дне которого на белом с вкраплениями желтых камешков песке стояла крепость с тремя башенками, увенчанными красноватыми конусообразными крышами. Башенки хоронились за зубчатой стеной с воротами разного размера, к ним вдоль стен карабкались лесенки. Крепость стояла немного под углом к лицевой стенке аквариума, поэтому сбоку можно было рассмотреть как бы внутренний дворик крепости. Стены крепости были украшены, вернее, обезображены двумя бесформенными проломами, что подразумевало ее участие в серьезных, хоть и виртуальных сражениях. Эти проломы позволяли рыбам прятаться от любопытных взглядов людей внутри стен и башен.

Вода покрывала крепость практически целиком, только верхний кончик самой большой башни поднимался над поверхностью. Визуально кончик крыши был сдвинут относительно ее подводного продолжения, что демонстрировало преломляющие свет свойства воды. Рядом с крепостью виднелась белая, отливающая перламутром, в одном месте протертая или прогрызенная до дыры рогатая раковина и большой неопределенного цвета камень. Со дна аквариума змейками один за другим поднимались пузырьки воздуха, выгоняемые компрессором. Это заставляло думать, что аквариум обитаем, несмотря на то что ни живых существ, ни растений в нем не наблюдалось.



– Да, мы привыкли к тому, что рыбы в аквариумах видны.

Господин Муа, сосредоточенно разглядывая аквариум, делал вид, что медитирует, а на самом деле он напряженно думал. Предложение, прозвучавшее из уст его собеседника, было, с одной стороны, слишком невероятным, а с другой – очень заманчивым. «Однако все это слишком хорошо, чтобы быть правдой», – вертелась мысль в голове господина Муа, в которой была полная неразбериха: теснившиеся вопросы не находили ответов, предположения зависали, не встретив подтверждения. После длительного раздумья господином Муа овладело ощущение, что он упустил что-то важное, ключевое. «Если не можешь сразу собрать картину – отступишь, возьми паузу и попробуй взглянуть со стороны», – дал сам себе совет господин Муа и, выполняя его, расслабился, погрузился в созерцание. Его внимание привлекли разного размера пузыри воздуха, поднимавшиеся со дна аквариума. Он начал изучать траекторию подъема этих пузырей. Пузырьки отрывались от белого песка, переливались в аквариумной подсветке и зигзагами устремлялись вверх к поверхности, где собирались кольцом пены вокруг выступающей из воды башенки. Насколько смог определить господин Муа, зигзагообразная извилистая траектория всегда оказывалась непредсказуемой.

– Послушайте, Джири, – не поворачивая головы, обратился господин Муа к сидящему в кресле с закрытыми глазами, будто бы погрузившемуся в сон, на вид нескладному долговязому собеседнику, – когда вы три недели назад сказали, что в этом аквариуме живет рыба, которую вы уже полгода не видели, я вам, честно говоря, не поверил.

«Однако как мало я знаю об этом Джири», – рассуждал про себя господин Муа, которому работники консульства по его прибытии в Санкт-Петербург, недавно переименованный из Ленинграда, предложили поселиться именно здесь, на Большой Морской улице, в квартире, которую ему предложил Джири. Там посчитали, что эта квартира будет для господина Муа наиболее комфортной и безопасной. «В консульстве Джири доверяют», – думал господин Муа, – «Однако мне о нем ничего толком не рассказали, и только намекнули, что он из каких-то спецслужб».

Как понял господин Муа, Джири отвечал за размещение и безопасность гостей, поэтому сообщение о том, что Джири ищет с ним встречи по какому-то очень важному и почти секретному делу, его насторожило. Господина Муа предпочитал иметь дела с партнерами, которых хорошо знал и понимал, а не с «темными лошадками», которым доверяют в консульстве. Однако прозвучавшее предложение оказалась настолько необычным, что вогнало гостя в ступор. Такого господин Муа, тщательно просчитывавший все возможные варианты заранее, и представить себе не мог. Предложение было настолько нелепым и странным, что создалась полная иллюзия розыгрыша.

Джири пошевелился в кресле, открыл глаза и произнес:

– Но я ее действительно уже полгода не видел, господин Муа. – Затем добавил: – О том, что она еще жива, я догадывался лишь по съеденному корму. Это рыба ночная, и свет дня ее, похоже, раздражает.

Голос Джири звучал успокаивающе, он понял, что застал господина Муа своим предложением врасплох, и теперь пытался сделать все, чтобы заслужить его доверие. Излишняя откровенность и болтливость, по мнению Джири, должна была благотворно повлиять на собеседника, и он продолжил:

– Однажды, еще до вашего появления здесь, мы были здесь с сынишкой. Я сказал ему, что в подводном замке живет рыба, и заметил, что он мне не поверил. Как воспитанный человек сын покивал головой, посмотрел в окна замка и подтвердил, что видит в нем лицо рыбы, но я чувствовал – он мне не верит. Я тогда еще подумал: – «Почему у рыбы лицо?» Я бы сказал – голова, морда или, наконец, рыло. Почему лицо? И тем не менее, чтобы не показаться пустобрехом, я поднял этот замок-крепость над водой – и рыбы не оказалось. Она, растопы-

рив свои плавники, застряла в башне. Я слегка потряхнул замок – и из него в аквариум действительно плюхнулась рыба. Я пробовал убрать этот замок вовсе, подумал: – «Пусть рыба к свету привыкает, а то она стала слишком блеклой в своем добровольном заточении». Но рыба со мной не согласилась и повела себя странно. Сначала она стала прятать голову в песок, то есть воткнется носом по самые глаза вертикально вниз и стоит как лист, шевеля плавниками. А потом рыба додумалась, если есть ей чем думать, залезть в раковину. По размеру рыба раза в три больше раковины, и когда она втянулась туда почти до половины, так что уже не могла пошевелить и плавником, я действительно испугался. А вдруг она там навечно застрянет? Ведь были случаи, что приходилось ломать камни, в щель которых смогла забиться подобная рыбина, чтобы выволить ее. Тогда я вернул рыбе ее любимый замок. Он в середине пустой, внутри рыба может даже двигаться, не то что плавники расправить.

– Я охотно верю вам, Джири. Это я сказал только к тому, чтобы показать, как невероятно может выглядеть истина. Вернемся к нашему разговору. Как вы правильно сказали, и пере-хваченная информация русских об активизации инородных светящихся объектов в упомяну-том районе, и эти странные дошедшие даже до нас слухи о внеземном человечке, прожившем некоторое время без видимых проблем в нашей атмосфере, звучат неправдоподобно. Однако, может быть, все это и является истиной. Да, мы привыкли к тому, что рыбы в аквариумах видны. Да, мы убедили себя в том, что на Земле способны жить только люди. А что, если это не всегда так?

Сказав это, господин Муа принялся исподволь наблюдать за Джири, но тот ответил про-сто душно:

– Меня смущает в этой истории только одно, господин Муа. Как русские смогли не уви-деть, вернее, не обратить внимания на этого странного человечка. Это невероятно.

– Дорогой Джири, вы еще слишком молоды... Обратите внимание на экономическую ситуацию здесь и сейчас. Мудрецы всегда говорили: не приведи Господь жить в эпоху перемен. Встаньте на их место. Если бы ваш сын засыпал каждую ночь с мыслью о еде и просыпался с ней же, а вы как бы ни бились, за что бы ни хватались, ничем не могли бы ему помочь, стали бы вы обращать внимание на каких-то там непонятного вида существ?.. Несомненно, если они заберутся к вам в дом или в кровать, вы их увидите и удивитесь. А если вы им безразличны?.. Очень сомневаюсь. В России сейчас люди не живут, а выживают...

Может быть, и зря я ищу во всем второе дно, подумал господин Муа. Несомненно, спе-цагентов должны финансировать, но может быть, он решил совместить приятное с полезным и сыграть и в те, и в эти ворота. Этаким слуга двух господ. Безусловно, крайне интересно запо-лучить генетический материал внеземного существа, само существование которого все еще находится под вопросом. Представляю, как мои ребята будут визжать от радости. Клонировать его вряд ли удастся, а вот изучить... Интересно и непредсказуемо, что может открыться в этом случае.

– Ладно, я готов рискнуть, – произнес господин Муа. – Я дам вам денег на поиски этого человечка.

Джири даже привстал, и удовлетворение отразилось на его лице. Тогда господин Муа задал вопрос в лоб:

– А почему вы обратились именно ко мне?

Джири немного растерялся, но сказал правду, как и рассчитывал собеседник:

– Я долго разбирался, кого эта тема может заинтересовать. Да, по своим каналам я обна-ружил, что вы вкладываете деньги в клонирование. Мне сообщили, что в лаборатории, кото-рую финансируете в том числе и вы, проведено успешное клонирование коровы.

– Это был бык, гаур, – поправил господин Муа, – гигантский трехметровый бык в холке высотой больше двух метров.

– Да, да, мне показали фотографию этого красно-бурого громилы с длинными изогнутыми рогами, – подтвердил Джири. – Благодаря вам, – угодливо продолжил он, – можно будет предотвратить вымирание этих животных.

– Добавлю, редких полуторатонных животных, – сказал господин Муа. – Несколько месяцев двадцать человек бились над этой задачей. Мы победили. Теленка удалось сохранить и вырастить.

– Кроме того, – продолжил Джири, – я выяснил, что в данный момент ваша лаборатория ориентирована на клонирование собак и других домашних животных.

– Это тоже правда, – согласился господин Муа. – Некоторые люди умудряются настолько привыкнуть к своим домашним любимцам, что готовы платить любые деньги за их «воскрешение», то есть клонирование. А фермеров интересуют высокопродуктивные коровы, например, или скаковые лошади, обладающие определенным набором качеств. Очень важно для дела иметь качественного производителя.



Гигантский трехметровый бык в холке высотой больше двух метров.

– Более того, – добавил Джири, – я выяснил, что вас интересует и клонирование человека. Я понял так, что вы финансируете лабораторные исследования и в этом направлении, несмотря на многочисленные крики и запреты подобного вида деятельности по всему миру. Я не разбирался в юридическом аспекте этой проблемы, но думаю, что законы так или иначе всегда можно обойти, ведь есть страны не участвующие в запрещающих Конвенциях, Протоколах и т. д.

– Хорошо, я понял, не будем об этом...

– Да, конечно, – согласился Джири. – Когда к нам поступила информация о загадочном небольшого размера человекообразном существе, якобы жившем на Южном Урале, я почему-то подумал: а вдруг и вас этот вопрос интересует? Я во всех этих исследованиях понимаю мало, но даже мне любопытно: может ли это быть вообще и кто это может быть? Я устроил так, что с этим делом поручили разбираться мне, и практически сразу вышел на вас. Безусловно, моя структура будет так или иначе финансировать этот проект, но, как всегда, возникает вопрос согласования в верхах. На это уйдет время, которого, я боюсь, в данном случае у меня нет. Более того, я рассудил, что ничего страшного не произойдет, если какая-то часть генетического материала попадет в область научных исследований сторонней организации. Честно говоря, я не очень-то доверяю нашим военным специалистам. Наука на гражданке, особенно в вашей лаборатории, мне кажется гораздо серьезней, более высокого уровня, что ли. Да и результаты двух различных лабораторий всегда предпочтительнее только одного заключения. Их тяжелее

фальсифицировать. В данном случае меня, как ни странно при моей профессии, интересует только истина, какой бы она ни была. Надеюсь, вы сохраните в тайне источник поступления материала, если, конечно, нам удастся добраться до этого человечка...

– Нет религии выше истины, – задумчиво произнес господин Муа девиз Теософского общества.

– Что, что? – переспросил Джири.

– Я сказал, что звучит весьма убедительно, – ответил господин Муа и, взяв очередную паузу для обдумывания услышанного, сменил тему. – Кстати, ваша рыба каждый вечер демонстрирует мне свое так называемое лицо. Когда сначала я каждый день, по вашей просьбе, сыпал ей корм, я думал – она размером с половину моего пальца. А она оказалась длиной с женскую ладонь, и при этом красавица. Ее тело отликает белым золотом и перечеркнуто тремя черными, густыми как бархат полосами, одна на головке и две – поперек туловища. С красными плавниками и красноватым же хвостиком она выглядит как заправская модница.

– Вы совершенно правы, господин Муа, – Джири поднялся и подошел к аквариуму. – Я удивлен, как быстро вам удалось ее приручить, если так можно сказать о рыбе. А со мной она почему-то отказалась разговаривать.

– В смысле?

– Она тупо меня игнорирует, не показывается, не кривляется и рожицы не корчит. Эта рыбка – боция или сомик-клоун. Она весьма специфична и, я бы сказал, в чем-то опасна. Еще пару лет назад этот большой аквариум был полон жизни. В нем жили рыбы разных видов от полупрозрачных, висевших в воде почти неподвижно и лишь слегка искажавших находящиеся за ними предметы, до светящихся неонов и пестрохвостых гуппи. Сад растений тоже был замечателен. Были и придонные растения, поднимающиеся из грунта, и мхи, свешивавшиеся с коряги, и то, что должно было цвести на поверхности. Проблема возникла с улитками, они расплодилось немерено, ползали по стеклам и дырявили листья растений. Именно тогда доброй души продавец в зоомагазине и предложила завести сомика-клоуна. Сомика купили, и улитки действительно через какое-то время перестали плодиться и совсем исчезли. Мы не успели порадоваться, как заметили, что за улитками постепенно стали исчезать рыбки, водоросли, мхи... И никто не может сказать, в чем причина и кто виноват. И ситуацию не исправить. Рыбка сомик всеядна, значит, растения высаживать бесполезно. Они все будут рано или поздно сожраны. Пластиковые имитаторы растительности меня раздражают в принципе – не люблю подделки. И с рыбами та же история. Мелкие виды с этим сомиком не выживут, а что будет с крупными – никто прогнозировать не берется. Вот и живет в замке-крепости одинокая рыбка, весь день она спит и только по ночам выплывает, возможно, на луну полюбоваться.

Джири легкой бесшумной походкой прошелся по комнате и сел в ранее покинутое им кресло, повернувшись к собеседнику. На его молодом обаятельном лице с большими подвижными карими глазами блуждала улыбка, и господину Муа опять почудилась в нем некая недосказанность, неясность, таинственность.

– Ладно, хватит о рыбах, – произнес господин Муа. – Интересно, как вы планируете вернуть это ваше, то есть уже наше дельце? Вы же понимаете, что на нас с вами в уральском поселении внимания обратят существенно больше, чем на инопланетное существо.

– Несомненно. И, я полагаю, интерес к нам будет связан главным образом с возможностью разжиться деньгами, как принято в этих местах, на халяву. Естественно, я туда ехать не собираюсь. Однако я подобрал изумительную кандидатуру.

– И что эта ваша кандидатура из себя представляет?

– Это профессиональный ученый. Физик, защитил недавно докторскую диссертацию. Мечтает о собственной лаборатории. До перестройки занимался в том числе и неопознанными летающими объектами по государственной программе.

– И вы хотите сказать, – перебил Джири господин Муа, – что он допускает ИХ существование?

– В то, что ОНИ есть, он верить не может, – улыбнулся Джири, – ранее за это его бы с треском уволили с работы. Во что верит бывший советский ученый, я полагаю, не знает даже его совесть и жена. Часто ему приходится выдавать за истину то, с чем он в корне не согласен, а о том, что он на самом деле думает – догадаться невозможно. Поговорить об этом он решится разве что с котом на темной кухне. Даже подозрение в существовании инопланетян противоречило бы принятой в верхах установке. Там априори утверждается, что ИХ нет, и основная задача советских, а теперь и российских ученых – развенчивать всяческие фальсификации. Да, уточняя, – всяческие вражеские фальсификации. Если же ты с этим положением не согласен – меняй работу.

– Чем же он может быть нам полезен?

– Он человек крайне активный, инициативный, деятельный, способный пробивать стены, по крайней мере, постоянно пытающийся это сделать. Он сделает все, что сможет, разумеется, за деньги, – ответил Джири. – При этом, что особенно интересно, его больше интересуют деньги не для себя.

– Это как? – удивился господин Муа.

– Ну, это же Россия, здесь все с ног на голову. Его больше интересуют деньги для исследовательской деятельности, вернее для своей лаборатории, – сказал Джири. – У этого человека жуткие амбиции. Он всем пытается доказать, что он лучший, самый гениальный и т. д. И если он сумеет достать любое, пусть даже самое экзотическое финансирование, он утрет нос всем своим многочисленным недоброжелателям.

– В таком случае ему потребуется много денег, – предположил господин Муа.

– Вовсе нет. Сейчас ученые в этой стране не котируются, их оклады даже со степенями – ниже зарплаты кондуктора в трамвае. Они рады любой мизерной сумме. Я могу вас познакомиться. Его зовут Агекян Семен Аршавирович.

– Так он армянин?

– Обрусевший. В России все давно перемешалось. Его дед пас в горах овец, а его ребенком воспитывала глухая бабка. Мать после долгой учебы оказалась в Ленинграде, где она и вкалывала на химическом производстве. Армянского языка он не знает и вообще к языкам не способен. На английском говорить пытается, но крайне коряво... Если хотите, я его с вами познакомлю.

Спустя несколько часов после разговора господина Муа с Джири предложенная последним кандидатура в лице Агекяна топталась возле Ростральных колонн, что на стрелке Васильевского острова. Семен Аршавирович имел весьма эффектную внешность. Он был высок, широкоплеч и когда-то был, безусловно, красив той южной всепокоряющей красотой сына Кавказских гор, где ярко-голубые глаза сочетаются с темно-русой густой шевелюрой. С годами он обрюзг и растолстел, сырой и ветреный северный климат не лучшим образом сказывался на его здоровье – Агекян приобрел проблемы с суставами и слегка прихрамывал.

Семен Аршавирович явно нервничал: правая рука автоматически с интервалом в среднем в 1 минуту 30 секунд забиралась во внутренний нагрудный карман пиджака, извлекала из него пластиковую двухрядную расческу, проводила ею по густым, стоящим ежиком волосам и возвращала расческу обратно. Сам Агекян в этом действе практически не участвовал, и манипуляции своей правой конечности его мозг не отслеживал. Его мысли вращались вокруг других, существенно более актуальных и животрепещущих вопросов. Агекян отчетливо понимал: его втягивают в серьезную авантюру, скорее всего, даже незаконную авантюру. В российском законодательстве он был явно слабоват, да и законы в девяностых годах менялись

практически каждый день и, как водится, играли только в интересах одного, стремительно обогащавшегося на их, законах, несовершенстве, слоя общества.



– В то, что ОНИ есть, он верить не может.

За годы работы в институте Агемян получил доступ к информации под грифом «секретно» и «совершенно секретно». В связи с этим ему пришлось прослушать множество разнообразнейших инструктажей о том, чего он в своей подконтрольной серьезному ведомству жизни категорически делать не должен, нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах. Эти запреты, безусловно, были мягче, чем у некоторых кадровых военных. Агемян, усмехнувшись, вспомнил командировочного из Иркутска, которому вменялось в обязанности успеть первым написать и передать начальству рапорт в том случае, если кто-то, не приведи господь, женщина, зайдет к нему в гостиничный номер. И он честно писал рапорт начальству, когда на конференции его соавтор зашла к нему за словарем... Тем не менее за годы жизни и работы в мозгу Агемяна очень четко отпечатались крупным жирным шрифтом 72 кегля, что сотрудничество с иностранцами, а тем более с иностранными структурами, ни к чему хорошему привести не может. Об этом сегодня утром гневным шепотом с придыханием талдычила и его жена, а жена зря паниковать не будет. Однако на кону были деньги, и это многое меняло.

Деньги Семену Аршавировичу были нужны позарез, и хорошо бы большие деньги. Ради этого Агемян готов был пойти на многое. У него была единственная дочь, фотографию которой он с видимым удовольствием демонстрировал всем желающим и нежелающим, не сильно интересуясь мнением последних, при этом глазки чадолубивого папаши довольно поблескивали, и он, причмокивая от удовольствия, приговаривал: «Что, хороша?» – как если бы разговор шел о породистой кобыле. Так вот, его дочь пару месяцев назад неожиданно вышла замуж, и в их двухкомнатной квартирке завелось существо под названием «зять». Это существо Агемяна не радовало совсем. Да и кого оно может радовать? Вот представьте, накануне Семен Аршавирович целый час убил, стоя в очереди за сметаной, и – молодец – достоялся: купил аж целую литровую банку. Но только один раз ему удалось вкушать неземное блюдо – блинчики со свежей сметанкой, как этот зять, вернувшись из института к ночи, в одно лицо под телевизор эту банку, то есть сметанку в ней, и прикончил. А утром уже вместе с дочкой зять с удивлением наблюдал за истерикой Агемяна, который совершенно справедливо возму-

щался по поводу: «ты дров не рубил, ты печь не топил, ты воду не носил, ты кашу не варил», палец о палец не ударил, а сметанку слизал. Вот тогда Агекян и его ближайшее окружение окончательно поняли: дети в этой жизни должны жить отдельно от родителей, иначе последнее от ежедневных огорчений могут и дуба дать. А смысл истерики был кристально ясен: ну, любишь сметану, так сам ее и доставай. Правда, на самом деле достать сметану было существенно сложнее, чем может показаться. Это означает: ищи, где сметану сегодня выкинули (имеется в виду, выкинули в продажу), успевай туда, пока не раскупили, а затем терпеливо стой в склочных очередях и надейся, что когда твоя очередь к прилавку подойдет, процесс продажи сметаны не прекратится внезапным образом. «А то ишь какой умный выискался», – второй день подряд переживал Агекян, – «спал с наглой физиономией чужую, тяжким трудом добытую сметану, дак хоть бы спасибо тестю сказал».

Стоит уточнить, что в те времена в магазинах из еды без очереди можно было купить соль, макароны, некоторые крупы, неходовые консервы и дешевые карамельки. В начале девяностых на часть жизненно необходимых продуктов были введены талоны, но отоваривать их тоже приходилось в очередях. Эти талоны регламентировали покупку населением колбасы, яиц, круп, сахара, растительного масла, чая, майонеза, кондитерских и винно-водочных изделий, спичек, мыла, стирального порошка и т. д. Постепенно талоны канули в вечность, что, впрочем, не означало изобилия на прилавках. Очень часто даже в супермаркетах на полках отсутствовали и хлеб, и молоко. Та часть населения, которая могла себе позволить свободное расписание, проявила находчивость и стала согласовывать время похода в магазин со временем подвоза туда продуктов.

Для видимого присутствия товара в магазинах ввели ограничение, оно касалось количества продукта, отпускаемого в одни руки. Так, например, картошки в одни руки отпускалось по десять килограмм. Население отреагировало быстро: дети, случайно оказавшиеся по тем или иным причинам вблизи очереди, «брались напрокат», причем совершенно безвозмездно. В этом случае покупателю отпускалась продукция на двоих, то есть двадцать килограмм картошки. Таким образом, один ребенок, если он хорошо контактировал с окружающим миром, становился «дочкой» или «сыночком» штук пяти тетей, пока его мама ждала своей очереди.

Однако все эти вопросы, проблемы и ненужная суета испарялись сразу же при наличии денег. Категория граждан, имеющая презренный металл в достаточном количестве, отоваривалась на рынках, где цены, как и качество продуктов, были существенно выше магазинных и очереди отсутствовали напрочь.

Перед Агекяном стояла сложная дилемма. С одной стороны, по вышеозначенным соображениям он четко понимал необходимость добывания денег любым способом и любой ценой, а с другой стороны, его удерживал страх. Тень страха витала над перестроечной Россией, как раньше бродил призрак коммунизма. Эта тень до жути пугала Семёна Аршавиновича. Время было смутное, нестабильное. У коммунистов власть, конечно, отобрали, но никто не мог дать гарантии, что это навсегда, что эти ушлые, пользующиеся безусловной поддержкой пенсионеров люди не сумеют рано или поздно эту власть вернуть, тем более что такая попытка уже была. В те памятные августовские дни по всем телевизионным каналам танцевали лебеди из балета Чайковского, возводились баррикады, и танки вошли в Москву. Всего этого боялись и в северной столице, где у телецентра также выросли баррикады, а перетрусившее мелкое начальство экстренно, с истошно вопящими милицейскими сиренами, эвакуировало детей в город из окрестных лагерей – боялись перекрытия дорог танковыми колоннами миротворцев с Каменки, вполне способными по приказу двинуться на город. В результате дети вернулись в семьи на неделю раньше положенного срока. Разговор с народом у коммунистов всегда был властный и короткий. Агекян понимал, что расстрелять-то, пожалуй, по нынешним временам и не расстреляют, а вот биографию основательно подгадить – это они могут, к гадалке не ходи...

Агекян ждал на стрелке Васильевского острова, все роилось и копошилось вокруг него. Стайками проносились туристы вслед за экскурсоводами с флажками над головой. Свадебными хороводами с цветами и бутылками завивались гости вокруг сосредоточенных фотографов и важно выступающих молодоженов. Суетились у прилавков с сувенирами продавцы и кучковались покупатели. Жизнь текла с будничной неторопливостью, не касаясь Семена Аршавиновича и не замечаемая им. Агекян нервным неровным шагом прогуливался взад и вперед перед гигантской фигурой, сидящей у подножия одной из ростральных колонн, и время от времени все так же неосознанно доставал из кармана расческу и проводил ею по волосам.

Гигантской фигурой, подпиравшей колонну с вмурованными в нее носами гипотетически поверженных кораблей, был Волхов – божество, названное в честь одноименной реки, впадающей в Ладогу. Волхов, высеченный из пудожского камня, как и другие три речных божества: Нева, Волга и Днепр, сидел у подножия колонны-маяка около двух сотен лет. Вдруг Агекяну почудилось, что всевидящие глаза божества наблюдают за ним из-под нахмуренных бровей через узкие щелочки полуприкрытых век. В воображении ученого, собиравшегося сделать сомнительный и, возможно, наказуемый в дальнейшем шаг, этот насупленный взгляд ассоциировался с мрачным образом всевидящего ока государства. Так или иначе, Агекян испытал огромное облегчение, когда машина со странным номером К-1 притормозила перед ним и через открывшийся проем окна он увидел приветливую улыбку Джири.

Оглядевшись по сторонам, Агекян торопливо забрался в машину, сильно треснувшись с непривычки головой о верхнюю раму. Машина, плавно тронувшись, повезла его в неизвестном направлении. Спокойствия у Агекяна не прибавилось. Джири сидел рядом с шофером и молчал, а Агекян таращился через затененные стекла заднего сидения на проплывающий мимо город, порывался что-то сказать или спросить, но присутствие шофера охлаждало его пыл. На одной из узеньких центральных улиц они покинули машину, и Джири повел гостя сомнительными подворотнями темных петербургских дворов-колодцев. Агекян, с детства страдающий пространственным кретинизмом, сначала пытался запомнить дорогу, однако вскоре осознал всю бесполезность этой затеи, очередной раз испугался и приуныл. Он успокоился только при виде консьержки, уютно расположившейся за старинной дубовой дверью подъезда. Агекяну вдруг захотелось, чтоб сидящая в будочке женщина запомнила его (ну так, как говорится, на всякий пожарный), и Джири с немалым удивлением наблюдал через потемневшее от времени стекло зеркала в шикарной раме, вмурованного в стену подъезда, кривляющуюся физиономию идущего следом доктора наук и крайне удивленное лицо консьержки.

Господин Муа, в ожидании гостей, знакомился с местным телевидением, пользуясь услугами присланного министерством переводчика. Сказать, что питерское телевидение тех годов удивило его – это ничего не сказать. На одном из каналов шел бразильский мыльно-оперный сериал, на другом – сомнительного вида американец пытался что-то проповедовать – человек неизвестного вероисповедания из страны, дай Бог, чтоб с двухсотлетней историей пытался навязать свое видение мира России, крестившейся и принявшей христианскую веру более тысячи лет назад, – есть от чего прийти в изумление.

На третьем канале шел процесс заряджения водопроводной воды через экран телевизора. Телевизоры тогда были ламповые, то есть снабженные электронно-лучевой трубкой, и предполагалось, что электроны, добежавшие до излучающего экрана, могли так полезно-благостно на него воздействовать, что вода в банках телезрителей приобретала лечебные свойства. Алан Чумак, сидя в телестудии, делал некие пассы руками, при этом что-то неслышно пришептывая, и только один факт наблюдения за этим процессом способен был исцелять страждущих. Удивление господина Муа раза три выплеснулось в одном и том же вопросе, заданном переводчику: «Они все это серьезно?»

Однако больше всего его потряс центральный канал, это тот, который транслируется на весь мир. В передаче о здоровье дама неопределенного возраста с квадратным лицом в прямоугольного вида очках с щенячьим восторгом авторитетно утверждала, что при замораживании черной смородины количество витаминов в ней увеличивается аж в семь раз. Господин Муа даже подпрыгнул, думая, что ослышался, но дама ничтоже сумняшеся продолжала развивать свою мысль, демонстрируя поднос с замороженной смородиной, из которой, по ее мнению, вода ушла (правда, на внешнем виде смородины это никак не отразилось), а витамины остались. Эта была та замечательная передача, когда даже восьмидесятилетние старушки поняли сущность и наконец-то развенчали своего кумира: «Она что? Совсем ничего не понимает?» – «Я тебе давно это твержу. А ты мне – муж у нее академик...» – «А как же ее ассистенты? На вид толковые ребята.» – «Ну что ты, право слово, да за такие деньги они и не такое отчебучат». Ассистенты, здоровенные мужики с притянутыми к ушам на подтяжках штанишками, согласно кивали.

– При сушке ягод количество витаминов в них уменьшается раз в десять – пятнадцать, если я правильно помню, при варке – аналогично. При быстрой заморозке витамины также разлагаются, ничего с этим не сделаешь, теряется пятая часть витаминов и сохраняется практически вся вода. При медленной заморозке теряется больше воды и разрушается крупными кристаллами льда больше витаминов. Витамины – это органические соединения, причем весьма неустойчивые. А у этой дамы – полный восторг – при неизменном виде продукта, что заставляет усомниться в том, что даже половина воды из него вышла, количество витаминов многократно повышается. Получается – они синтезируются в холодильнике. Это прорыв в науке! – иронизировал господин Муа. – Надеюсь, она запатентовала тот холодильник, в котором произошло столь замечательное событие?

– Все гораздо банальнее, господин Муа, – вяло сострил переводчик. – Эта дама просто значок «больше» от значка «меньше» не отличает. Очки, наверное, искажают...

– Дневная норма витаминов находится в двадцати пяти ягодах спелой черной смородины, а этой мадаме достаточно шести замороженных ягод, – не мог успокоиться господин Муа.

Разговор прервался приходом гостей. Увидев господина Муа, Агекян напустил на себя важность и значительность, которая, по его мнению, должна была соответствовать ученому его ранга. Воспитываясь в армянских горах среди овец и баранов, Семен Аршавирич в детстве почему-то не приобрел таких качеств, как внутреннее достоинство и самоуважение, поэтому всю оставшуюся жизнь ему приходилось их неуклюже имитировать. Он раздулся как голубь, топчущий вокруг самки, и Джири с господином Муа только переглянулись, мучительно стараясь не рассмеяться. Может быть, в связи с этим и разговор и не задался.

Когда Агекян взялся рассказывать о своей работе, вернее о несекретной ее части, брови господина Муа полезли вверх, они все карабкались и карабкались на крутой лоб в процессе его рассказа, но Семен Аршавирич этого не замечал. Честно говоря, его попросту не интересовало мнение собеседников. Наконец, господин Муа жестом прервал речь Агекяна и очередной раз обратился к переводчику, естественно, на своем родном языке, чтобы не травмировать гостя:

– Он это серьезно?

– Насколько я понимаю, да, – ответил за переводчика Джири, недоуменно пожав плечами.

– То есть вы допускаете, что он действительно сейчас считает воздействие на земную атмосферу повторного ядерного взрыва? Он в своем уме? Если начнется атомная война, то на повторный ядерный взрыв отвечать на Земле будет некому.

– Да пусть считает что хочет, тем более, я подозреваю, что считает не он, а люди из его команды, – сказал Джири. – Ему проще руководить толковыми ребятами, чем сделать что-то самому.

Это была чистая правда. Считать Семен Аршавинович мог только на счетах, которыми пользовались продавцы в прошлом веке, да на логарифмической линейке. Ему было стыдно признаться, но он не смог освоить не только компьютер, но даже и калькулятор. Последний постоянно над ним издевался и выдавал заведомо неправильные результаты. Стоит ли уточнять, что это был не конкретный калькулятор, а калькулятор как класс – в те годы это были такие отдельные узкоспециализированные гаджеты.

Нельзя сказать, что господин Муа остался доволен исполнителем, найденным Джири, однако альтернативы не было, и после долгих колебаний и уговоров господин Муа и Джири все-таки заключили между собой договор, в результате которого Агекян получил билет на поезд и деньги на проезд и проживание. Ему в общих словах обрисовали задачу поисков и сообщили место явки. На работе Семен Аршавинович взял краткосрочный отпуск на похороны своей любимой армянской бабушки. Когда же ему в отделе кадров напомнили, что его бабушка умерла уже лет десять назад, Агекян не растерялся и объяснил, что речь идет о ее родной сестре, которая в годы его детства была его любимой бабушкой, и подкрепил свои слова шоколадкой и слащавой, как видели окружающие, неотразимой, как полагал он, улыбкой. Шоколадки были всегда его основным аргументом в разговорах с секретаршами, которых он по жизни побаивался, всегда перед ними заискивал и голос на них никогда не повышал, орать он предпочитал на своих сотрудников.

Глава 3. Задача

Нет ничего более безнадежного, чем пытаться дать прогноз погоды в Санкт-Петербурге хотя бы на пару месяцев вперед, поскольку нет ничего менее стабильного и предсказуемого, чем эта самая погода. Два года в городе не было ни зимы, ни лета, ни солнца, одни хмурые набрякшие слезливые тучи. Город выглядел обиженно и уныло, отражаясь в реках и лужах сотней оттенков серого.

В летнюю пору, когда Москва неделями плавилась под лучами испепеляющего солнца и жара растекалась изнуряющими волнами на всем пространстве России от Волги до Сибири, в Питере люди продолжали ходить в курточках и под зонтиками. Теплые или просто солнечные дни старательно обходили северную столицу. Летящие из Европы облака наполнялись влагой Балтийского моря и сбрасывали ее на город, словно их, как разбухшую от влаги тряпку, кто-то выжимал. Именно тогда среди жителей возникла поговорка: «Выходя из дома, ты можешь надеть джинсы или даже шорты, но все-таки не забудь курточку, а лучше пуховичок».

Зимой ситуация была еще более странная. Например, на рождественские каникулы в Твери, что южнее города, машины замерзали за считанные минуты коротких остановок. В Архангельске, что существенно севернее, также стоял крещенский дубак в минус сорок градусов, и все каникулы студенты грелись по домам, опасаясь высунуть нос на улицу и усиленно топя печи. А в это время в Питере январь был вполне комфортный, с легким десятиградусным морозцем, правда, пока еще без снега.

Ради справедливости следует отметить, что и беды обходили город стороной. Ветра хоть и считались порой штормовыми, были вполне привычными, наводнения стали ручными, и редко где вода выползала на газоны набережных. Торфяные пожары не затягивали улицы дымом, как в недавнем прошлом, когда, стоя у Дворцового моста, экскурсовод показывала туристам направление рукой: «Вот там находится здание Биржи, а немного правее при более благоприятных условиях вы могли бы видеть Заячий остров со шпилем Петропавловского собора». Складывалось ощущение, что город окружен своеобразным типом защитной стены, создающей внутри микроклимат, благоприятный для жителей замшелых болот. Ясные дни случались настолько редко, что питерские детишки начали пугаться собственных теней, когда солнце вдруг выглядывало из-за туч.

Эта странная ситуация кардинально переменялась внезапно, словно в небесную канцелярию пришел новый главный управитель. Солнце вылезло на всеобщее обозрение и не спешило укутываться облаками даже тогда, когда синоптики предсказывали полную облачность и сплошной дождь. Феерически теплый май сменился солнечным июнем, и город наконец-то расцвел яркими красками лета. Нева и Финский залив снова засияли глубоко-синим цветом, и по волнам заплясали слепящие глаза солнечные искры, листва и трава вызывающе зазеленели, и даже потрепанные перестройкой дома приобрели свойственную им столичную величественность.

Утром в один из таких уверенно солнечных дней Александр Александрович Соловьев легкой пружинящей походкой топал на Васильевский остров на работу по Тучкову мосту. Полы расстегнутой легкой курточки развевались при ходьбе, солнце золотило волнистые волосы, и во всем его облике проглядывало что-то легкое, вольное, есенинское.

Трамвай номер сорок, пощелкавший по стыкам улиц Петроградской стороны, лихо вкатился на Тучков мост и... остановился. Перед ним на рельсах стояла ярко-красная иномарка. Пассажиров охватило легкое возбуждение. Водитель трамвая, согласно инструкции, не мог выпустить пассажиров вне остановки, но и самому ему не было никакой возможности проехать. Из иномарки вышла хрупкая девушка и с полным недоумением уставилась на собствен-

ную заглохшую машину. Кондуктор что-то ей вещал противным дискантом, а девушка лишь беспомощно пожимала плечами в ответ.

Это было время, когда женщины в России только-только начинали теснить на дороге мужиков-автомобилистов. Недоверие к ним, а вернее к их умственным способностям в области вождения машин, в обществе было еще очень велико. Сразу со всех сторон посыпались ядовитые высказывания типа: «Женщина за рулем подобна обезьяне с гранатой» или «Ну что вы хотите? Блондинка за рулем». Последнее было неправдой – девушка была шатенкой.

Ситуация становилась безнадежной. Машины равнодушно скользили ровным потоком с двух сторон застрявшего трамвая, и шансы не попасть на работу к нужной минуте у пассажиров неуклонно росли, как и напряжение в салоне трамвая. Водитель трамвая, напав на службу ядовито-оранжевую жилетку, уже решил плюнуть на правила и перекрыть движение, чтобы выпустить бурчащих пассажиров, но одна из машин потока остановилась, и выскочивший из нее парнишка начал аккуратно выталкивать застрявший автомобиль к краю дороги. Дело у него шло туго, девушка села за руль и не могла ему помочь. Александр, как раз оказавшийся рядом, не долго думая тоже включился в работу. Машина стала катиться веселее, и вдвоем, приложив максимальные усилия, они не только освободили наконец трамвайные пути, но и вытолкали машину к поребрику. Трамвай, приветливо звякнув, подпрыгнул на стыке разводящих половин, то есть крыльев моста, и весело покотился к остановке.

Оставшуюся часть пути Александр проделал почти бегом и проскочил институтскую проходную ровно за пару секунд до финального, вернее стартового звонка, сообщавшего о начале рабочего дня. С этим звонком проходная перекрывалась, и все опоздавшие автоматически получали выговор по институту. Запыхавшийся, но довольный Соловьев добрался до своей рабочей комнатки под крышей и только сел на стул, как нудно заверещал телефонный звонок. Трубку сняла Алина:

– Что-то тебя начальство с самого ранья требует, – удивленно произнесла она (при этом «что-то» прозвучало как «чтой-то») и добавила: – Срочно.

– Он что? Уже вернулся из Звездного? – спросила Вероника, намекая на то, что высокое начальство совсем недавно отбыло в Звездный городок.

Александр безропотно поднялся и двинулся на выход, с любопытством прикидывая, что же начальству от него понадобилось. Скрипучие ступеньки Елисеевских складов на мгновение ожили под его шагами, разбуженные пружины двери завизжали и с яростным грохотом захлопнули створки за его спиной, надеясь прищемить возмутителя спокойствия, но его легкие шаги уже затихали вдали, повторяемые эхом двора-колодца.

Высокое начальство – Алексей Иванович – было человеком замечательным и общественно значимым. В те годы, когда не только вся страна, но и весь мир помешались на космосе, когда тысячи пацанов стали Юрками в честь первого космонавта Земли Гагарина, когда космонавты были столь же известны в народе, как ныне эстрадные певцы и актеры, он умудрился стать своим человеком в Звездном городке – том месте, где обычные нормальные люди трансформировались в жителей неба – космонавтов. Алексей Иванович был начальником отдела в институте, который отвечал за оптическое оснащение космических экспериментов от разработки оптических приборов для кораблей до определения параметров атмосферы и программ космической фотосъемки. Он часто катался в Звездный городок и был крайне горд тем, что однажды первая женщина-космонавт Терешкова, уникальная тем, что шагнула в космос прямо от прядильного станка и совершила космический полет в одиночку, ему собственноручно наливала суп. Об этом событии знал весь институт.

Еще в отделе из поколения в поколение передавалась история о давних приключениях высокого начальства на космодроме. Будучи от природы человеком любопытным и попав в ряды избранных, то есть получив возможность наблюдать запуски ракеты воочию, он захотел увидеть все представление из первых рядов. Перед самым стартом они с замом сумели

пробраться в оцепленную зону, что поближе к ракете. Любители острых ощущений забрались на крышу сарая и залегли там, любуясь ракетой и наблюдая за последними моментами предстартовой суеты. Все было замечательно, пока шла подготовка: оба лазутчика почувствовали себя прикоснувшимися к великой тайне небожителей. Вдруг все стихло, площадка у ракеты опустела, и начался запуск двигателей. Высокое начальство, слыша нарастающий гул и ощущая мелкое подрагивание земли, почувствовало себя одиноко и тревожно. В следующие мгновения эти ощущения усилились, и пришло понимание, что приблизиться к небожителям и стать ими, в общем-то, не одно и то же. А перед тем как ракета рванулась в небо, она выбросила с ужасным, заставившим землю дрожать, грохотом такое море огня, что ударной волной этих любителей острых ощущений просто сдуло с крыши сарая. Эту историю обычно заканчивали под веселое ржание словами: «Сарай был покрыт дранкой, а начальство скатилось вниз на пятой точке, поэтому занозы выковыривали долго и нудно».

А вот когда произошла разгерметизация корабля «Союз-11», когда все три члена экипажа погибли, во всем отделе царила тревога, переходящая в панику. Люди опасались, что сбой произошел именно в их приборе, находившемся на невезучем корабле. И только когда следственная комиссия определила «слабое звено», ставшее причиной трагедии, и все подозрения рассеялись, отдел начал работать нормально.

В кабинете начальства шло совещание, и секретарша Леночка походя ввела Александра в курс дела:

– Я уже заказала тебе билеты на поезд в какую-то тьмутаракань на Урал. Курьер через пару часов подвезет.

– Зачем?

– А шут его знает. Планировалось отправить Агеяна, так его куда-то черт унес, то ли к очередной тетке уехал, то ли на больничный высыпался.

Леночка Агеяна не любила: бегаёт, суетится, глазки строит, подмигивает, шоколадки носит, пошло ухмыляется, будто знает о тебе что-то непристойное, на что-то такое поганенькое намекает – скользкий, противный тип.

– А ты, говорят, сегодня трамвай толкал?

– Я? Трамвай? – Александр подивился скорости распространения слухов в институте. – Нет, только машинку, да и то помогал.

– И когда ты все успеваешь? Сядь, они скоро закончат.

Александр сел на один из стульев и подумал, что дело, скорее всего, связано с чем-то аномальным. Несколько лет назад на отдел свалилась тематика по так называемым «аномальным атмосферным явлениям». Это направление не затрагивало более-менее понятные и широко изучаемые события, типа появления полярных сияний, серебристых облаков, солнечных гало и т. д. Здесь надо было объяснять то, что ни в какие рамки не лезло, однако время от времени наблюдалось и нормального физического объяснения не имело. Это было то время, когда, подражая американцам, формировались структуры по изучению неопознанных летающих объектов, только все эти объекты следовало вгонять в рамки атмосферных явлений, хоть и аномальных, но все же атмосферных. Задача была трудная и почти невыполнимая. К работе подключили несколько человек, которым дали доступ к специфической, частично закрытой информации, а именно: кто, что, где и когда наблюдал. Все это надо было систематизировать, привязать к реальным атмосферным, грозовым или вулканическим событиям, сопоставить с параметрами солнечной активности и выдать ту или иную удобоваримую интерпретацию.

Под новый год Агеян формировал сводный отчет, который изучался местным начальством и отправлялся в Москву. Из последней регулярно спускались новые случаи наблюдений над воинскими частями движущихся светящихся образований, при появлении которых то вырубалась радиосвязь, то электричество целой части, а то случались еще какие мелкие пакости.

– Мы должны привязывать эти события именно к природным явлениям? – спросил как-то младший научный сотрудник Александр высокое начальство.

– Не обязательно, попробуйте объяснить чем-либо другим, – ответил Алексей Иванович, но, посмотрев в его глаза, младший научный сотрудник понял, что при альтернативном решении он, скорее всего, будет искать работу в другом научном институте.

Судя по всему, начальство само в успех на поприще неведомых летающих объектов не верило, поэтому других, более земных тем со своих сотрудников не снимало.

– Итак, – начал вводную речь Алексей Иванович, когда Александра пригласили в заветный кабинет, – на южном Урале активизировалась деятельность аномальных объектов. Такого еще у нас не наблюдалось. Зафиксировали это не только мы, но и спутники наших восточных соседей. Хуже всего то, что эта возня происходит вблизи зоны с нашими атомными заводами. Есть информация, что иностранные агенты уже проникли на означенную территорию (естественно, не на заводы, а рядом) и пытаются там что-то обнаружить. Более того, просочилась информация, что они там ищут человекоподобное существо. Ваша задача – разобраться во всем этом.

– То есть найти неизвестное науке существо и доставить? Куда?

– Вряд ли это возможно. Я не уверен, что эта информация не липа. Ваша задача – разобраться и отчитаться. Следует понять, в чем причина слухов. Почему они решили, что человек инопланетный, может, просто уродец или мутант. Как и что проявлялось? Опросить свидетелей, определить адекватность свидетелей, записки из сумасшедшего дома нам не нужны. Зафиксировать все, что достойно внимания, каким бы нелепым оно ни казалось, с подробными ссылками о том, как получена информация.

– Отчет нужен письменный? – уточнил Александр.

– Естественно... Да, на мой запрос пришла некоторая подобная информация об Розуэльском инциденте. Садитесь и читайте, однако помните: нет уверенности, что даже часть написанного здесь – истина.

Тоненькая папка оказалась в руках Александра, в ней было несколько полупрозрачных листочков, отпечатанных на машинке под копирку. Копия была далеко не первой – фиолетовые буквы едва виднелись. Александр быстро и внимательно просмотрел все, обратив особенное внимание на подчеркнутые красной ручкой места. Картина нарисовалась следующая.



Крушение неопознанного летающего объекта типа «летающей тарелки».

РОЗУЭЛЛЬСКИЙ ГУМАНОИД

Лето 1947 год – крушение неопознанного летающего объекта типа «летающей тарелки», для успокоения общественности озвучен вывод, что это было крушение зонда.

Предполагаемая причина крушения: (1) внутренний взрыв объекта, (2) сильная гроза, (3) воздействие мощного радара или другого испытываемого военного оборудования.

Экипаж: Три или четыре пилота, некоторые подавали признаки жизни. Варианты: (1) Один мертвый. Трое живых кричали. Каждый прижимал к груди предмет, похожий на ящик. (2) Два мертвых, третий тяжело дышал, четвертый оказывал ему помощь. (3) Похожие на людей гуманоиды находились в стеклянных шарах. (4) Выживший пилот прожил год в военном госпитале.

Трупы доставили, предположительно, на военную базу Розуэлла. Вскрытие гуманоида сняли на киноленту, последнюю засекретили. Фильм показали в 1995 году. Есть подозрение, что показали подделку.

Внешний вид гуманоидов (суммарный из разных источников):

Человекообразное существо с непропорционально большой головой.

Рост, по одной версии, полтора метра, по другой – метр сорок.

Рот – щелочка; отверстия вместо ноздрей; уши либо маленькие, либо вообще отсутствуют.

На руках и ногах, согласно одним утверждениям, четыре, а по другим – шесть пальцев.

Отсутствуют волосы, сердце, половые органы, кровь, пупок.

Мозг в виде пористого желе без долей и извилин.

Толстый слой кожи. Кожа серо-коричневая.

Глаза большие, округлые, очень широко расставленные, покрытые защитной пленкой.

Одежда серая цельнокроеная без ремней и пуговиц...

Ознакомившись с содержанием, Александр поднял глаза на начальство.

– Это все реально?

– Знаете ли, Александр Александрович, вопрос довольно спорный. С одной стороны, нет дыма без огня. А с другой – американцы так легко влетают в панику, что властям предпочтительнее свалить все на крушение зонда. Что они и сделали. Зонд, естественно, сделан в СССР, поэтому, мол, его не сразу узнали, и в прессу какая-то информация, естественно, ложная, просочилась... Вы же наверняка слышали знаменитый анекдот, как инсценировка книги Герберта Уэллса «Война миров» ввергла в шок Америку в 1938 году? Больше миллиона американцев поверили в реальность событий. Они поверили, что марсиане атаковали Землю, высадились у них под боком и стали уничтожать все подряд. Люди реально бились в истерике, выпрыгивали из окон, куда-то мчались на машинах, звонили во все возможные инстанции... И все это было вызвано радиошуткой, длившейся, обратите внимание, меньше часа.

– Люди настолько впечатлительные?

– Люди почти везде одинаковые, а эти непуганые и доверчивые. Начала не услышали и в ситуации не сориентировались... В данный момент я склонен считать, что то, что вы сейчас прочитали о Розуэлльском событии, ближе к выдумке... Тем не менее вопрос о кыштымском гуманоиде поднят, и его поручено проработать нам, так что скатертью дорога... Вот если подобные сообщения продолжают поступать, – хоть и недоверчиво, но все же мечтательно продолжил он, облизывая губы, как ребенок после уничтоженного лакомства, – да еще можно будет выделить какие-то характерные черты как гуманоидов, так и событий, вот тогда... Ну, это понятно, закон перехода количества в качество... Вот тогда скандал, вот тогда всеобщая тревога... А пока вот, – Алексей Иванович протянул бумаги, – это обращение от имени института в органы внутренних дел на месте со всеми подписями и печатями.

– Зачем?

– На предмет оказания вам посильной помощи. Устные распоряжения им выданы, эти бумаги – подтверждение ваших полномочий. Вопрос о вашем доступе на закрытую территорию находится в стадии проработки.

– Командировка куда?

– Город Кыштым, а рядом зона, – начальник уткнулся в бумаги.

– Озерск или Сунгуль?

– Озерск.

– Эти места я знаю.

– Ну вот и славно. Скоро прилетит Павел Тимофеевич, он даст вам еще указания. Билет получите у Лены, командировочные – в кассе. Да, девочек к работе подключите, пусть информацию обрабатывают и систематизируют. Общаться будете по телефону, через факс, ну и так далее... Успеха. Все бумаги оставьте пока у себя.

Выйдя от начальства, Александр прокручивал полученную информацию. «Ладно», – думал он, – «допустим, что тяжело сосчитать, сколько пальцев на руке, четыре или шесть. Главное, отметили, что не пять. Однако отсутствие сердца и крови? Это как? Кости есть, скелет как у млекопитающих, а сердца и крови нет? Мы вдыхаем, воздух попадает в легкие и кислород кровью разносится по телу. А если не кровью, то чем? Просто диффундирует? Или кислород не нужен? Но они жили в земной атмосфере и дышали, и по одной из версий, кричали. То есть у этих существ были голосовые связки, рассчитанные на атмосферу, – в воде ведь кричи не кричи – не услышат». Целая куча вопросов гнездилась в голове Александра, и создавалось впечатление, что вся эта информация сомнительна, причем крайне сомнительна. Надо успеть обсудить это все с Алиной и Вероникой. Одна голова хорошо, но три... Дракон получается, а это сила.

Однако обсуждение пришлось отодвинуть, поскольку Павел Тимофеевич из Москвы, или просто Павел, уже нарисовался, точнее сказать, он уже приехал и к моменту возвращения Александра болтал с девочками, восседая на его, Александра, любимом крутящемся рабочем

стуле. Павел слегка привстал, пожал Александру руку, но места не уступил и травить байки не прекратил:

– И вот этот танк сворачивает с проселка и всеми своими сорока семью тоннами обрушивается на стоящий в кустах «Запорожец». Последний только слабо хрупнул под гусеницами, экипаж этого толком-то и не заметил. А хозяин «Запорожца», насобирав грибов на жареху, вышел из леса и обнаружил вместо горячо любимого средства передвижения блин. Ну, представляете, такой ровно раскатанный блин, цветом, впрочем, в некоторых местах напоминающий «Запорожец»... Ну, что дальше? Он катит телегу на военных, а они вызывают меня и начинают лапшу вешать на мои уши, что именно в тот вечер у них на радаре засветился какой-то ненормальный летающий объект, который зачем-то болтался то вверх, то вниз, прыгая как кузнечик. И именно этот скакун, неудачно присев, расплющил злополучную машинку, – рассказчик удовлетворенно откинулся на спинку кресла, наслаждаясь произведенным эффектом.

Александр пробрался к столу у низенького окошка – помещение располагалось под скошенной крышей – и аккуратно приземлился на колченогую табуретку. Алина заботливо поставила чашечку кофе на небольшое чистое пространство среди вороха загромождающих стол бумаг. Командированный в тьмутаракань научный специалист благодарно улыбнулся в ответ и автоматически глянул в окно. Он скорее почувствовал, чем увидел, как там снаружи буйствовало лето. Над двором-колодцем по нагромождению институтских крыш и замысловатому переплетению труб радостными бликами скакали солнечные зайчики, и легкий отблеск одного из них проник в комнату на подоконник. Александру подумалось, что это многократно отраженный отблеск солнца в золоте Исаакиевского собора, едва угадываемого отсюда за пыльными крышами, на той стороне Невы. Собор невозможно увидеть, даже присев на корточки – окошко находится где-то на уровне колена – однако Александр точно знал, что собор там существует.

Комнатка небольшая, потолок в ней наполовину скошен, света явно маловато, и даже в солнечный день приходится сидеть с включенными лампами. В комнатке четыре стола. На трех книги и бумаги лежат аккуратными стопочками по краям – это рабочие места Александра, аспирантки Вероники и стажера Алины. Стол, где все вперемешку, где бумаги, и книги подпираются тарелками и чашками, а сверху водружен стакан с ручками, карандашами, резинками, ножницами, скрепками, кнопками и разной другой полезной дребеденью, – общий, и там некому навести порядок, а может, и незачем. У двери убаюкивающе журчит маленький холодильник. Раньше в нем хранили бобины с фотопленкой, а теперь Агеян периодически забивает морозилку мясом, которое не вмещается в его домашний агрегат.

Когда-то Семен Аршавинович тоже обитал в этой комнатке, но со временем он вытребовал у начальства рабочую площадь, более соответствующую научному уровню его достижений, которые в отчетах он всегда обозначал как «выше среднего», и переместился в соседнюю комнату. В этих стенах остались Александр и Вероника, чуть позже добавилась Алина. Именно им, Веронике с Алиной, и рассказывает истории Павел, как мальчишка распушив хвост павлином. Красавица Вероника, округлив свои огромные миндалевидные глаза, слушает его с исключительным вниманием. А умница Алина? Алина – большая поклонница Раневской и прекрасно знает, что «под самым красивым хвостом павлина скрывается самая обычная куриная ж...», поэтому, согласно законам гостеприимства, она греет в кружке кипятильником воду для чая.

Вообще-то пользоваться кипятильниками в институте категорически запрещено – здания невероятно древние: если загорится, не потушишь. Это бывшие склады братьев Елисеевых, чей хорошо известный магазин до сих пор находится на Невском проспекте, напротив памятника Екатерине. Однако кипятильники есть у всех, и даже частые рейды пожарных, сулящие большие неприятности ослушникам, ничего поделать не могут. В этом, наверное, проявляется

что-то наше исконное национальное – неприятие запретов и уникальная способность находить обходные пути в любых ситуациях.

Примеры данного вида изворотливости можно приводить изумительные. Вот, скажем, на семинарах по бухучету самый актуальный вопрос всегда был следующий: «Это все понятно, надо платить налоги за то, то и то, но вы нам объясните, как, не нарушая законов, обойти эти платежи». И дело вовсе не в нелюбви граждан к государству. Нет. Это нормальная реакция на действия правительства в девяностых: как вы к нам, так и мы к вам. В результате нескольких этапов денежной реформы были практически обесценены накопления, собиравшиеся людьми всю их трудовую жизнь.

Стоит ли говорить про те области нашей жизни, где нам нет равных? Если в каком-нибудь городке под новый год в магазине не продано ни одной бутылки водки, то причина не в том, что люди перестали пить или снабженцы подвели. Причина в самогонщиках. И как бы власти с этим ни боролись, и гонят, и пьют, и мрут, и все равно гонят.

– Ну, начал я разбираться с обнаглевшим летающим объектом, поговорил с ребятами, – продолжал тем временем Павел, – поднял бумаги и выяснил, что меньше, чем год назад в соседней части подобная ситуация закончилась судебными разборками... Все оказалось проще простого... А дело было так. Ехал мужик по грунтовке, вдруг следом выруливает самоходка. Машина увеличивает скорость, но и самоходка не отстает. Мужик в панику: дорога узкая, свернуть некуда, сзади бронированный монстр нависает. Скачет мужик на предельной скорости по ухабам, однако не судьба, не увернулся. На повороте догнал его военный монстр и «зажевал» половину багажника. Слава богу, что затормозил, а то мужик уж под колеса выпрыгивать собрался. Солдат на суде потом оправдывался:

– Я смотрел по приборам, ну никак на него наехать не мог. А вот как-то наехал.

– И куда же вы мчались, молодой человек? – с недоброй усмешкой эксперта, знающего ответ, спросил судья.

– Это военная тайна, – раскричался присутствовавший на заседании майор. – В нашем округе проводились учения...

– И все же, – настаивал судья.

– Так там магазин закрывался, надо было успеть, начальство ящик водки заказало, – честно признался солдат...

Я разобрался потом, – закончил Павел, – танк, расплющивший злополучный «Запорожец», тоже добирался до части кратчайшей дорогой, правда, уже из магазина.

Павел Тимофеевич болтал уже больше часа, однако Александр замечал, как шутливая улыбка на короткие мгновения сменялась озабоченностью. Складывалось ощущение, что отношение к вопросу о гуманоиде у него было существенно более серьезным, чем у высокого начальства.

– Так что у нас нового? – задал Александр в конце концов вопрос. – Конкретнее, что у нас нового и нехорошего?

– Ну почему сразу нехорошего? Командировочка у вас. Срочная. И хорошо бы выехать без промедления.

– Еду на Урал?

– Да, да, есть там на карте такая точка, Кыштым называется.

– Знаю, знаю, слышал, слышал, это в получасе езды от моей родины. От моей фактической родины.

– Если можно, с этого места поподробнее, – заинтересовался Павел, удовлетворенно потирая лапки, как муха, наевшаяся от пуза варенья. – Знал же я, кого надо отправлять.

– А что подробнее? Есть у меня две родины. Одна – историческая, это где предки мои жили, это здесь рядом, южный берег Ладоги, а вторая – фактическая, где я на свет появился.

А появился я на свет, вернее прожил беззаботное детство за колючей проволокой, в сталинском доме на проспекте Берии, в городе, которого нет на карте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.